

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

Родилась в 1979 году в Горьком. Окончила Нижегородский государственный педагогический университет (математический факультет), в 2010 году получила юридическое образование. Преподавала математику в школе, работала в Московском институте права, в управлении социальной защиты населения. В настоящее время занимается репетиторством.

В основном пишет малую прозу и стихи. Дебютный роман «Гербарий» опубликован на «Литрес».

Живет в Нижнем Новгороде.

ПУСТЫРЬ

Новый дом, который так быстро – от зимы до зимы – вырос возле железной дороги, напоминает Лере кубик: одинаковый по высоте и ширине, он приземистый и устойчивый. Этот дом нравится ей гораздо больше, чем длинные и безликие новостройки. Но когда Лера смотрит на его светящиеся окна, то чувствует, как изнутри, от сердца к горлу, поднимается шершавая тоска.

Почему? Да потому, что раньше на месте этого дома был пустырь. Настоящий пустырь! Но не из тех, буйных, беспризорных, что насквозь поросли крапивой и лебедой, а цветной, мозаичный. Если стоять на платформе, то можно долго разглядывать его узоры: бахрому камышей, зеленые островки, яично-желтые и лиловые пятна... Иван-чай, пижма, люпины и еще тьма безымянных трав – все они хороводили там, звенели, ревниво пряча от прохожих маленькое болотце посередине.

Но это было летом.

А тем вечером в конце мая пустырь показывал Лере спектакль: над желтым морем колыхался, переливаясь, воздух. Она не сразу поняла, отчего. Но присмотревшись, задохнулась от восторга: «Стрекозы!» Высокие травы еще не успели заглушить буйство одуванчиков, и сурепка уже цвела, создавая и не фон даже, а подмалевок. И вот там, где цвета были гуще, где в глубине пустыря затаилось крохотное, словно игрушечное, болотце, там и трепетали десятки стрекоз. Золотые всплески их крыльев мерцали, танцевали... завораживая, притягивая к себе взгляд.

Лера не смогла бы толково объяснить, почему она снова примчалась сюда, на станцию. Завтра экзамен, обществознание, и они с Егором договорились, что сегодня – день тишины, как перед выборами. Но что-то позвало ее, и она не смогла усидеть дома. Хотела сбежать еще днем, но случился дождик. А когда просветлело, она отодвинула учебники и тетради, схватила ветровку и удрала. Почти бегом преодолев пять автобусных остановок, Лера застыла под навесом, только здесь обнаружив, что забыла телефон дома на столе.

Она надолго замерла в ожидании, сливаясь с цилиндрами бежевых колонн, улыбками встречая одну электричку за другой и опуская плечи вслед последним вагонам.

И лишь тогда, когда растворились в воздухе стрекозы, когда море одуванчиков на пустыре задремало, погасив огни свои, а вместо них включился фонарь под крышей, когда человеческие фигуры вконец стали расплывчатыми, только тогда Лера увидела: он шел к ней. Шел, уверенно и резко переставляя длинные ноги.

Она не заметила, как он выходил из вагона, она и успела-то всего лишь шагнуть навстречу. А он сперва раскинул руки, как Христос на распяты, а затем сомкнул их в железный замок на ее лопатках и сказал:

– Моя. Не выдержал, стал звонить, но абонент не абонент, волнительно стало. Все хорошо?

Егор произнес это шепотом, торопливо, и его дыхание стрекозиными крыльями защекотало Лере ресницы... и звук его голоса эхом отразился от свода станции, эхом прокатился по шпалам, эхом стукнул в груди: «Моя...»

Лерины родители сначала улыбались, но потом отец стал «гонять молодежь» по терминологии, изо всех сил стараясь быть суровым, а мама шипела на него, суетилась и бесконечно поила всех чаем.

Лера держала Егора за руку под столом. За руку с жесткими пальцами, с ногтями гладкими, как озера, но окруженными камышинками заусениц. «Все хорошо, солнце, – думали они хором. – Все будет хорошо, не переживай».

Да, это была весна, самый конец мая. Лето, которое пришло следом, Лера не помнит. Потому что летом Егора не стало. Он погиб. Внезапно и глупо. Любая смерть глупа в восемнадцать лет.

Лера не плакала. Она рвалась к окнам и крышам, она резала запястья, она лечилась в больнице.

Постепенно мрак отступил.

Через три года, осенью, когда она вновь стояла на платформе, поживаясь от ветра, а пустырь был еще свеж, самоуверен, бахвалился колосьями, метелками, сиреневыми островками диких астр-октябринок, в один из таких дней появился Николая. Словно на кадре из киноплёнки – он задорно помахал в окно, промелькнув в чередке таких же окошек. Лера отвернулась, а он взял да и приехал обратно на встречной электричке.

Николя изучал языки. Леру, как и себя, он называл на французский манер – Валери. Он привозил пирожные в квадратной коробочке, и Лера боялась, как бы он не споткнулся, не уронил их, потому что Николая не нужны были ступени, он всегда слетал с них, спрыгивал, и Лера научилась так же лететь к нему, обнимать, повисая на шее, кошкой тыкаясь в его прохладные щеки. Они быстро шагали по платформе, и Николая хохотал, вспоминая дорожные истории. Эха от его голоса не было.

Были стихи Луи Арагона, которые Николая читал в оригинале, а потом переводил: «В глубинах глаз твоих, где я блаженство пью...», но Лера слушала не слова, а грассирующий в такт, спотыкающийся на щербинках асфальта стук своих каблучков. Нет, эха не было.

«Никак не может это быть простым совпадением», – думала она. Наконец решила рискнуть и рассказала о Егоре. О том, как десятки раз встречала его именно здесь, о том, как Егор попал под машину, а она – в больницу. Николая выслушал внимательно и непривычно спокойно.

А на следующий день исчез. Куда – не знал никто. «Уехал в Европу», – сухо ответила его мать. «Бросил», – за спиной ехидничали подруги. Лера пожимала плечами. Она не плакала. Всего лишь забрала документы из универа и стала работать. Много.

Время шло, и однажды пустырь обнесли синим забором. Долго осушали болотце, вырыли котлован, а когда начали забивать сваи для нового дома, то рельсы на железной дороге гудели: «Буммм... Буммм...», вторя тяжелому молоту.

Лера знает это, потому что живет теперь совсем рядом со станцией. Так сложилось само собой. Возвращаясь с работы, она иногда ставит машину на парковку перед торговым центром и идет в кассы, чтобы купить билетик «туда-обратно». Все изменилось: теперь на платформу нельзя попасть просто так. Лера послушно проходит турникет, обеими руками толкает тяжелую стеклянную дверь, словно крышку колодца – изнутри.

И снова она стоит под навесом, и снова опускает плечи вслед поездам, а потом медленно бредет вдоль колонн, спрятанных кем-то бездушным в прямоугольные короба, идет мимо светящихся полукруглых окон, где раньше сидели кассирши, а сейчас хозяйничают узбеки в ярких фартуках.

Оглянувшись на новый дом-кубик, она выходит со станции. Возле лестницы ее встречают двое мужчин: первый в пуховике с капюшоном, второй – в перекошенной шапке-балаклаве.

– Мы из сада идем, смотрим: машина. Пошли домой, Лер! – говорит первый бодро, пряча в глазах беспокойство. – Костик замерз.

– Не замерз! – упрямо мотает головой второй, маленький человек-грабитель. – Mam, а мы с Вер Михалной сегодня эти, сердечки, лепили! Вот!

И Лера садится на корточки, не подбирая подола пальто, и в руку ей ложится рыхлое, корявое пластилиновое сердечко, теплое, сплошь покрытое ворсинками от варежек. Оно невнятного буро-зеленого цвета, но Лера видит: в нем собраны все оттенки весны и лета, нежных лепестков, упругих стеблей, мягких трав...

Она гладит сердечко, выравнивает, растирая по поверхности выпуклые соленые капли, и наконец-то отчетливо слышит эхо собственного пульса. Эхо дрожит под колесами скоростных электричек – современных, с мягкими креслами, эхо тонет в недоуменных взглядах прохожих... Эхо обнимает троих людей единым ватным одеялом.